

A woman with long dark hair, wearing a white, textured, sleeveless dress, stands waist-deep in a calm lake. She is looking down and slightly to her right. The background features a dense forest of evergreen trees under a dramatic sunset sky with orange and yellow light reflecting on the water. A small, lit cabin is visible on the right side of the forest. The overall mood is serene and contemplative.

Тихая вода

— Эл Фрей —

18+

Эл Фрей

Тихая вода

«Автор»

2026

Фрей Э.

Тихая вода / Э. Фрей — «Автор», 2026

Когда умирает мать, дочь редко ждёт от неё сюрпризов. Анна приезжает в родной Затонье всего на пару недель — продать старый дом на берегу реки и наконец закрыть эту главу жизни. Но на чердаке её ждёт запёртый сундук с инициалами матери, а в городе — тот самый колокол за рекой, который она боялась в детстве. Двадцать три года назад здесь пропала Марина — лучшая подруга Анны, четырнадцатилетняя девочка, чьё тело так и не нашли. Дело закрыли быстро. Слишком быстро. Чем глубже Анна погружается в дневники матери, тем яснее понимает: Вера знала о той ночи куда больше, чем говорила все эти годы. А закрытая религиозная община на другом берегу реки — тихая, благополучная, всеми уважаемая — хранит тайну, которую весь город предпочёл забыть. Помогать в расследовании берётся Олег — начальник местной полиции и человек из её прошлого, чувства к которому Анна когда-то не решилась признать. Вместе им предстоит не только найти правду о Марине, но и понять, готовы ли они снова довериться.

© Фрей Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом с закрытыми ставнями	5
Глава 2. Урок литературы, 1999	8
Глава 3. Опись имущества	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эл Фрей

Тихая вода

Глава 1. Дом с закрытыми ставнями

Автобус до Затонья ходил три раза в день, и Анна, конечно, опоздала на утренний. Пришлось ждать до полудня на автостанции, где за одиннадцать лет не изменилось ровным счётом ничего: та же выцветшая доска расписания с наполовину облупившимися буквами, тот же ларёк с беляшами, из которого тянуло тем самым запахом подгоревшего масла, знакомым ей с детства лучше любых духов, та же старуха у окошка кассы, которая посмотрела на Анну так, будто узнала её, но не подала виду. Может, и правда узнала. В маленьких городах лица не забывают, даже если делают вид, что забыли, — это Анна усвоила ещё подростком, задолго до того, как поняла, что это правило распространяется и на неё саму.

Она сидела на жёсткой лавке, обхватив колени руками, и думала о том, что могла бы просто не приезжать. Можно было нанять риелтора, подписать доверенность у нотариуса в Москве, и через месяц дом продали бы без её участия — вместе с половицами, скрипящими на второй ступеньке, вместе с запахом яблочного варенья, который, наверное, всё ещё держался в кладовке, вместе со всем тем, о чём Анна не позволяла себе думать одиннадцать лет.

Но нотариус написал: «Есть документы, которые нужно подписать лично». И Анна, вместо того чтобы найти способ обойти это требование — а способы, она знала, всегда находятся, если очень захотеть, — купила билет на следующий же день, будто боялась, что, дав себе время подумать, снова придумает причину не ехать.

Автобус тронулся почти пустым — кроме неё, ещё две женщины с сумками да старик с удочками, устроившийся у окна с видом человека, для которого эта дорога давно стала привычной частью жизни. За окном потянулись знакомые до тошноты пейзажи: сначала пригород с гаражами и садовыми участками, где ещё в детстве они с отцом сажали картошку, потом лес, густой, тёмный даже в разгар дня, потом — почти неожиданно, будто дорога сама решила напомнить, куда она на самом деле ведёт, — блеснула между деревьями серая лента реки Тихой.

Она называлась так не из поэтических соображений сельских картографов, а по вполне прозаической причине: течение здесь и правда было медленным, почти незаметным, и вода у берегов казалась стоячей даже в паводок. В детстве Анна плавала в этой реке каждое лето, до посинения губ, до того, что мать выгоняла из воды силой, кутая в застиранное полотенце. Потом перестала. Вода в её памяти навсегда осталась связана с тем июльским утром, о котором она запретила себе думать все эти годы, — и вот теперь, глядя на реку из окна автобуса, чувствовала, как запрет начинает трескаться сам собой, без её на то согласия.

Затонье встретило её так же, как автостанция, — узнаваемо и равнодушно, будто город вовсе не заметил её одиннадцатилетнего отсутствия. Одноэтажные дома с резными наличниками, местами облупившимися, местами свежепокрашенными, покосившийся клуб культуры с выцветшей вывеской «Кинозал», гастронорм на углу, переименованный, судя по новой яркой табличке, в «Продукты у Тамары». Дети на великах гоняли по пустой дороге, не обращая внимания на редкие машины; у колонки на углу стояла очередь из двух старушек с ведрами. За рекой, там, где раньше был обычный лес, теперь просматривалась крыша какого-то большого здания — Анна прищурилась, пытаясь разглядеть детали сквозь марево полуденной жары, но смогла различить только тёмный контур и что-то похожее на шпиль колокольни. Санаторий, вспомнила она не сразу, будто вытаскивая слово со дна давно не открывавшегося ящика

памяти. Заброшенный санаторий, куда они бегали в детстве пугать друг друга рассказами о привидениях, разбитых окнах и таинственных огнях по ночам.

Анна остановилась у калитки, чувствуя, как внутри что-то сжимается — не боль, скорее странная смесь узнавания и отчуждения, будто она смотрит на фотографию собственного детства и не может понять, что именно на ней изменилось, но чувствует всем телом: изменилось всё.

Дом стоял на улице Береговой, третий от угла, с террасой, выходящей почти к самой воде — старой, дощатой, с разохшимися перилами, которые Анна помнила выкрашенными в голубой цвет, а теперь видела просто серыми, облезшими до самого дерева. Ставни были закрыты — соседка, тётя Люба, обещала присматривать за домом по телефону, когда Анна звонила ей после похорон, но, видимо, решила, что закрытые ставни надёжнее всего остального.

Дом показался ей меньше, чем она помнила, — так всегда бывает, когда возвращаешься туда, где не была очень долго. Меньше, ниже, серее. Краска на наличниках облупилась крупными хлопьями, крыльцо просело с одной стороны так, что верхняя ступенька заметно кренилась вбок, а куст сирени у забора разросся настолько, что почти полностью закрывал окно её бывшей комнаты — того самого окна, из которого она в детстве вылезала по вечерам, чтобы посидеть на крыше сарая вместе с Мариной, глядя на звёзды и обсуждая планы на будущее, которые теперь казались настолько чужими, что Анна с трудом могла вспомнить, о чём конкретно они тогда мечтали.

Она достала из кармана ключ — тот самый, с потёртым брелоком в виде рыбки, который передала ей нотариус вместе с папкой документов, — и не сразу решилась его повернуть, стоя у калитки с чувством, будто переступает не порог дома, а какую-то другую, менее осязаемую границу.

— Заждались тебя, — раздалось сбоку, и этот голос, неожиданно бодрый и деловой, разом вернул Анну из задумчивости к реальности.

Она обернулась. По тропинке от соседнего дома шла невысокая полная женщина в цветастом халате, с решительным лицом человека, который уже давно всё решил и теперь просто идёт разговаривать, не тратя времени на предисловия.

— Тётя Люба, — сказала Анна, и, к своему удивлению, почувствовала, что улыбается — впервые за весь этот долгий, выматывающий день. — Здравствуйте.

— Здравствуй, здравствуй. — Тётя Люба остановилась в двух шагах, оглядела её с ног до головы, будто проверяя, всё ли на месте, всё ли соответствует ожиданиям. — Похудела ты в городе-то своём. Вера тоже так говорила, когда ты последний раз звонила, помню. Царствие ей небесное.

— Спасибо, что присматривали за домом.

— А кто ж ещё. — Тётя Люба махнула рукой в сторону калитки, уже переходя к практическим вопросам, из которых, видимо, в основном и состояла её забота. — Заходи, я тебе дров на растопку принесу, вечером холодно бывает уже, сентябрь на дворе. И воду в колонке проверь, может, засорилась труба за зиму, Костя чинил по осени, но кто его знает, чинил ли на совесть или для галочки.

Анна кивнула, хотя не запомнила ни слова из практических советов — она смотрела на дом, на закрытые ставни, на крыльцо, где мать когда-то сидела с книгой каждый вечер, поджав под себя ноги, в старом растянутом свитере, с чашкой чая, остывающего, потому что она вечно забывала пить, увлечшись очередной книгой.

— Ты надолго? — спросила тётя Люба уже мягче, без деловой интонации, и в этом вопросе прозвучало что-то похожее на настоящую заботу.

— Не знаю. Нужно разобрать вещи, оформить документы. Наверное, на пару недель.

— Ну, дом-то не к спеху продавать. Постой тут, оглядись. — Тётя Люба помолчала, и в этом молчании было что-то, чего Анна не смогла сразу расшифровать — то ли жалость, то ли

предостережение, спрятанное за обычными деревенскими интонациями. — Затонье, оно... не сразу отпускает. И не сразу принимает обратно, если уж на то пошло. Сама увидишь.

Анна не спросила, что она имеет в виду. Ей казалось, она и так, где-то на уровне тела, а не разума, уже начинает понимать.

Она повернула ключ. Замок поддался не сразу — заело от сырости и долгого простоя, — но всё же открылся с тихим щелчком, и дверь, скрипнув знакомым, будто законсервированным во времени звуком, впустила её в темноту прихожей, пахнущую пылью, старым деревом и чем-то ещё, чему Анна не смогла подобрать названия, но что безошибочно, на каком-то глубинном уровне узнала как запах собственного детства — смесь сушёных трав, которые мать вешала под потолком кухни, старых книг и чего-то неуловимо материнского, что не выветрилось даже за месяцы пустоты.

Она стояла на пороге долго, не решаясь войти дальше первых двух шагов, будто дом всё ещё нужно было о чём-то попросить — разрешения, прощения, она сама не знала, чего именно. За спиной тётя Люба ушла за обещанными дровами, где-то вдалеке залаяла собака, прошуршала по гравия чья-то машина, а за рекой, тихо и глухо, как через толстый слой ваты, ударил колокол.

Анна вздрогнула — сильнее, чем ожидала от себя самой.

Она помнила этот звук. Она помнила его слишком хорошо, и в ту же секунду, стоя на пороге пустого материнского дома, поняла, что приехала сюда вовсе не за подписью для нота-риуса.

Глава 2. Урок литературы, 1999

Школа встретила Веру запахом свежей побелки и мастики для полов — за лето технички натерли паркет в коридорах до блеска, и этот запах, резкий, почти химический, всегда казался ей единственным по-настоящему честным признаком того, что лето кончилось и началась новая жизнь. Она пришла на полчаса раньше первого звонка, чтобы разложить в кабинете журнал, поправить стопку тетрадей, привезённых из области вместе с остальными вещами, и ещё раз, уже в который раз за это утро, напомнить себе, что бояться нечего.

Три года она проработала в райцентре, замещая учительницу в декрете, снимая комнату у чужой хозяйки и приезжая в Затонье только на выходные — сначала к родителям, а потом, после свадьбы, к Виктору, в этот самый дом на Береговой, куда она перебралась год назад с одним чемоданом и стопкой любимых книг. Теперь, наконец, у неё была своя школа, свой класс, свой кабинет литературы с шкафом, полным потрёпанных хрестоматий, — и от этого простого факта в груди до сих пор что-то замирало каждое утро.

Девятый «Б» вошёл шумной, разномастной толпой — кто-то в новенькой форме, ещё пахнущей магазином, кто-то в застиранной с прошлого года, кто-то демонстративно без формы вовсе, в джинсах, за что наверняка получит замечание от завуча ещё до обеда. Вера окинула взглядом ряды — двадцать три пары глаз, из которых интерес светился в лучшем случае в трёх-четырёх, — и подумала, что за три года работы это ощущение первого сентября так и не притупилось: смесь азарта и лёгкой тошноты, будто перед прыжком в холодную воду.

— Итак, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал увереннее, чем она себя чувствовала, — меня зовут Вера Сергеевна, я буду вести у вас литературу. Начнём с того, что каждый из вас скажет, какую книгу прочитал этим летом. Необязательно из списка.

По классу прошёл вздох — не то чтобы недовольный, скорее привычно-скучающий, тот самый вздох, которым подростки встречают любое требование говорить о себе перед всеми. Мальчик на второй парте, кудрявый, с облупившимся от солнца носом, — кажется, Дима Величко, сын местного участкового, — тут же сообщил, что читал только инструкцию к новому магнитофону, который родители подарили на день рождения, и класс с готовностью захихикал, радуясь поводу разрядить обстановку.

Вера улыбнулась вместе со всеми — надо было дать понять, что она не боится смеха, не боится показаться слишком серьёзной, — а потом продолжила обводить взглядом ряды, выискивая лица, которые ещё не видела: новеньких, переведённых из других школ, тех, кто пришёл после каникул чуть повзрослевшим и незнакомым, вытянувшимся за лето так, что старая форма теперь торчала выше щиколоток.

У окна, в третьем ряду, сидела девочка с прямой спиной и внимательными, чуть напряжёнными глазами — не участвовала в общем оживлении, не смеялась над шуткой про магнитофон, просто наблюдала, будто оценивая, кто здесь чего стоит и стоит ли вообще на кого-то тратить внимание. Тёмные волосы собраны в небрежный хвост, у локтя на парте — потрёпанный том в мягкой обложке, явно не учебник.

— А ты? — Вера кивнула ей, чувствуя необъяснимое любопытство. — Как тебя зовут?

— Марина Лисовская, — ответила девочка, не вставая, хотя остальные, отвечая, вставали из-за парт по школьной привычке. Голос у неё был низкий для четырнадцати лет, почти взрослый, с той спокойной уверенностью, которая обычно появляется у людей значительно позже. — Я читала «Мастера и Маргариту».

По классу прокатился короткий смешок — из тех, каким подростки встречают всё, что звучит слишком серьёзно и заумно для летних каникул, — но Марина не смутилась, даже не повернула головы в сторону смеющихся.

— Целиком? — спросила Вера, стараясь не выдать удивления; книга была не из лёгких даже для взрослого читателя, а уж для четырнадцатилетней девочки из провинциального городка, где библиотека давно не пополнялась новинками, — тем более.

— Целиком. Два раза.

— И что скажешь?

Марина на секунду задумалась, вертя в пальцах уголок обложки лежащей рядом книги, будто взвешивая, стоит ли отвечать честно перед всем классом или отделаться дежурной фразой про «понравилось».

— Что все хотят быть Мастером, — сказала она наконец, глядя прямо на Веру, — а на самом деле почти все — Берлиоз. Просто ждут трамвая.

В классе стало тихо — не потому что кто-то понял метафору целиком, а потому что интонация, с которой это было сказано, показалась взрослым не по возрасту, будто из уст четырнадцатилетней девочки на секунду заговорил кто-то значительно старше. Вера почувствовала лёгкий холодок узнавания: так иногда бывает с учениками, которых сразу выделяешь из общего потока, ещё не зная, почему, — просто по какому-то внутреннему чутью, которое не поддаётся объяснению словами.

— Хороший ответ, — сказала она, стараясь, чтобы голос не выдал того волнения, которое она вдруг почувствовала. — Останься после уроков, если будет время. У меня есть книги, которых нет в библиотеке, — думаю, тебе понравятся.

Марина кивнула — без особого энтузиазма, но и без равнодушия, скорее с той сдержанной готовностью, с какой принимают предложение, которое втайне ждали, — и Вера, продолжая опрос по рядам, слушая про приключенческие романы, детективы и одну девочку, честно признавшуюся, что не читала ничего, поймала себя на том, что снова и снова возвращается взглядом к третьей парте у окна.

За окном, за рекой, темнела крыша бывшего санатория, едва различимая сквозь верхушки деревьев. Говорили, что туда недавно въехала какая-то община — не то монахи, не то просто верующие люди, купившие заброшенное здание за бесценок у обанкротившегося профсоюза. Вера слышала об этом краем уха на педсовете, вместе с обычными сплетнями учительской о том, кто кого сватает, у кого протекает крыша и кому опять не подвезли учебники, и не придавала значения — мало ли что появляется и исчезает в маленьком городе за время её отсутствия.

Ей было двадцать девять лет, она год как вышла замуж за Виктора — спокойного, надёжного, немного медлительного в словах человека, с которым она познакомилась ещё в институте и к которому вернулась после трёх лет работы вдали от дома, — и жизнь казалась ей устроенной, понятной, состоящей из проверенных тетрадей, воскресных обедов у родителей мужа, где свекровь неизменно перекладывала ей лучший кусок пирога, и планов, которые она не торопясь строила на будущее: может быть, дом с настоящей верандой, если когда-нибудь получится накопить и починить прогнившие доски; может быть, ребёнок через год-два, если Виктор наконец решится, а не будет откладывать разговор снова и снова. Она ещё не знала, что часть этого будущего — та его часть, которая через несколько лет перевернёт всё, что она считала устроенным, — уже сидит в третьем ряду у окна, читает Булгакова в четырнадцать лет и через три года навсегда изменит её жизнь.

Прозвенел звонок, резкий и дребезжащий, как и десять лет назад, когда она сама сидела за такой же партой в этой же школе. Класс зашумел, собирая портфели, толкаясь в проходе, обсуждая, кто на какой урок теперь пойдёт, — и в этом обычном, ничем не примечательном шуме Вера в последний раз в тот день посмотрела на реку за окном: спокойную, серую, ничего не предвещающую.

Глава 3. Опись имущества

Внутри дом оказался именно таким, каким Анна его запомнила, и одновременно совсем другим — так бывает, когда смотришь на детскую фотографию себя самого и не можешь понять, что именно изменилось, но чувствуешь: изменилось всё. Она прошла через прихожую в гостиную медленно, будто боясь спугнуть тишину, которая держалась здесь с самых похорон, и с каждым шагом всё яснее ощущала странное раздвоение: тело помнило это пространство наизусть — где нужно пригнуться под низкой притолокой между комнатами, где вторая половина предательски скрипит, — а разум смотрел на всё как на музейный экспонат, чужой и в то же время невыносимо близкий.

Мебель стояла на своих местах, будто дом законсервировали в момент, когда мать вышла в магазин и просто не вернулась. Тот же сервант с посудой, которую доставали только по праздникам, — сквозь стекло виднелся сервиз с золотой каёмкой, доставшийся ещё от бабушки, и хрустальные рюмки, которые никто, кажется, ни разу так и не наполнил. Тот же диван, продавленный с левой стороны, где обычно сидела мать по вечерам, — Анна невольно провела рукой по этой вмятине в обивке, будто надеясь ощутить остаточное тепло, хотя разум прекрасно понимал абсурдность этого жеста. На стене в гостиной — фотографии в потемневших деревянных рамках: Анна и Катя маленькие, на пляже, обе в панамках, шурящиеся от солнца; Вера и отец на свадьбе, оба смущённо улыбающиеся, явно непривычные к парадным костюмам; сама Анна на выпускном, уже взрослая, уже почти чужая этому дому, в синем платье, которое мать шила две недели вручную, потому что готового нигде не нашлось нужного размера.

Она провела рукой по пыльной поверхности стола, оставляя на ней влажный, темнеющий след, потом достала телефон и набрала номер, который знала наизусть, хотя не звонила по нему уже год — с прошлого дня рождения Кати, если быть точной, и то разговор тогда получился коротким и формальным, как большинство их разговоров в последние годы.

— Да, — ответила Катя после третьего гудка, коротко и настороженно, будто заранее готовясь к разговору, который не хочет вести.

— Я приехала. В доме.

Пауза, за время которой Анна успела представить себе кухню сестры где-то в области, детский рисунок на холодильнике, звук телевизора на заднем плане.

— И как он?

— Такой же. Только меньше, чем я помнила.

— Так всегда бывает, — сказала Катя без особой теплоты в голосе, и Анна услышала, как на том конце что-то звякнуло — видимо, посуда. — Ты надолго?

— Пока не знаю. Нужно с документами разобраться, опись сделать для нотариуса. Ты не хочешь приехать помочь? Мы могли бы вместе решить, что делать с вещами, разобрать мамины вещи вдвоём, а не так, что я одна тут копаюсь.

Ещё одна пауза, длиннее первой, и в ней Анна почувствовала что-то похожее на сопротивление, физически ощутимое даже через телефонную линию.

— У меня Тёма приболел, — сказала Катя. — Может, на выходных. Ты там... просто сфотографируй что нужно, я потом посмотрю список.

— Катя.

— Что?

Анна хотела сказать что-то ещё — про то, что они не виделись почти год, про то, что мать умерла три месяца назад, а они за это время говорили по телефону от силы четыре раза, каждый раз коротко и по делу, будто выполняя неприятную обязанность, про то, что она, Анна, разбирает сейчас в одиночку вещи их общей матери и это несправедливо, — но вместо этого

только вздохнула, зная по опыту, что напор с сестрой не работает, только заставляет её защищаться ещё сильнее.

— Ничего. Я позвоню, когда разберусь с самым срочным.

Она положила трубку и некоторое время стояла посреди гостиной, глядя на пылинки, кружащиеся в полосе света из приоткрытой ставни, и чувствуя ту особенную усталость, которая накапливается не от физической работы, а от невысказанных вещей.

Опись имущества, как выяснилось, дело небыстрое и странно интимное. Анна начала с кухни — методично, комната за комнатой, фотографируя каждый предмет на телефон, составляя список для нотариуса и, параллельно, список того, что можно раздать, продать или выбросить. В верхнем ящике буфета она нашла жестяную коробку из-под печенья, полную пуговиц самых разных форм и размеров — мать никогда не выбрасывала пуговицы от старой одежды, «пригодятся», говорила она, хотя за всю жизнь Анна ни разу не видела, чтобы этот запас использовался по назначению. В холодильнике, давно отключённом, но не до конца пустом, стояла банка засохшего варенья с пожелтевшей этикеткой, надписанной материнским почерком: «яблоки, август 2023». Работа успокаивала: в ней была понятная логика, начало и конец, в отличие от всего остального, что Анна чувствовала, находясь в этом доме, где каждый предмет, казалось, хранил в себе целую отдельную историю, недоступную для описи.

К вечеру, когда свет за окнами стал приобретать тот особенный медовый оттенок, какой бывает только в конце лета, она добралась до чердака.

Лестница была узкой и крутой, деревянные ступеньки скрипели под ногами именно так, как она помнила с детства, — и Анна, толкнув люк рукой, испачканной пылью, поднялась в пространство под самой крышей, где пахло сухим деревом, мышами и чем-то неуловимо гербарным, будто здесь годами сушили травы. Под скатами крыши, там, где взрослому человеку приходилось пригибаться, тянулись стеллажи из некрашенных досок, заставленные тем, что обычно хранят на чердаках: старые чемоданы с проржавевшими застёжками, ёлочные игрушки в картонных коробках из-под обуви, лыжи без креплений, прислонённые к балке, детская коляска с облупившейся краской, в которой, наверное, катали ещё саму Анну, а может, и Катю после неё.

В самом углу, за высокой колонной старых журналов «Работница», перевязанных бечёвкой, стоял сундук.

Анна не помнила его — то есть помнила смутно, как помнят вещь, виденную краем глаза в детстве и никогда не привлекавшую внимания, потому что детское любопытство всегда искало более очевидные сокровища: чемоданы с нарядами, коробки с игрушками. Сундук был деревянный, потемневший от времени почти до черноты, с металлическими уголками, покрытыми патиной, и висячим замком, тронутым ржавчиной так, что дужка едва угадывалась под коричневыми потёками. На крышке, полустёртая временем и пылью, виднелась надпись, сделанная от руки чернилами, теми самыми фиолетовыми чернилами, какими в девяностые заправляли перьевые ручки: «В.С.»

Вера Соколова.

Анна присела на корточки перед сундуком, чувствуя, как под коленями хрустит рассыпанная по полу пыль, и попробовала поднять крышку — та не поддавалась, замок держал крепко, несмотря на весь свой ветхий вид. Она подёрнула за дужку, безуспешно, ободрав палец о шершавый металл, потом отступила на шаг, достала телефон и сфотографировала сундук со всех сторон — для описи, сказала она себе, хотя прекрасно понимала, что дело давно не только в описи.

Уже спускаясь с чердака, с фонариком в одной руке и связкой старых ключей, найденных в комоде в спальне, в другой — ни один из них, разумеется, не подошёл ни к одному замку в доме, — она поймала себя на мысли, что этот сундук будет первым, что она откроет завтра. Не потому что это было частью описи.

А потому что что-то в этом «В.С.», выведенном материнской рукой на потемневшем дереве много лет назад, показалось ей важнее всего остального дома вместе взятого — важнее сервиза с золотой каёмкой, важнее продавленного дивана, важнее даже фотографий на стене, где мать всегда улыбалась той спокойной, устроенной улыбкой человека, у которого, казалось бы, нет никаких секретов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.